

А. Б. Летучий, Д. И. Коломацкий

При участии А. Н. Судобиной, Е. В. Прозоровой, Е. Ю. Шамаро

ПОВЫШАЮЩИЕ АКТАНТНЫЕ ДЕРИВАЦИИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ*

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящий раздел посвящен повышающим актантным деривациям в финно-угорских языках. Материалом для исследования послужили данные пяти идиомов: лугового марийского (староторъяльский говор), бесермянского диалекта удмуртского языка (говор д. Шамардан), шокшинского диалекта эрзя-мордовского языка, а также и печорского и ижемского диалектов коми-зырянского языка (говор д. Еремеево и с. Мужы соответственно). Далее, говоря о марийском, коми-зырянском и др. языках, мы будем иметь в виду именно перечисленные говоры (если эксплицитно не указано иное).

В современной грамматической традиции противопоставляются залог и актантная деривация. Залог, согласно [Падучева 1998; Плунгян 2000], — это преобразование, изменяющее только поверхностное маркирование и коммуникативные ранги участников ситуации при сохранении их количества и семантических ролей. Напротив, актантной деривацией называется преобразование, изменяющее набор актантов и/или их семантические свойства. По классификации В. А. Плунгяна [2000], существует три типа актантной деривации: повышающая актантная деривация, при которой в диатезу вводится новый участник (например, каузатив), понижающая актантная деривация, при которой из диатезы удаляется участник (декаузатив), и интерпретирующая актантная деривация, при которой происходит изменение семантических свойств участников или перераспределение их синтаксических ролей без изменения состава участников¹.

* Написание данного раздела было бы невозможно без помощи О. И. Беляева, которому мы искренне благодарны за внимательное прочтение первоначального варианта раздела и вдумчивые комментарии. Мы также выражаем благодарность А. П. Выдрину за обсуждение данных эрзянского языка, а также всем переводчикам финно-угорских экспедиций.

¹ Надо отметить, что в традиционных грамматиках понятие актантной деривации не используется — большинство актантных преобразований именуется «залогами». Так, выделяется т. н. «понудительный залог», при котором в диатезу вводится дополнительный участник — каузатор. В современной лингвистической типологии данное явление — каузатив — принято относить к повышающей актантной деривации. Аналогичным образом,

Наша работа основана на сопоставлении материалов существующих грамматик с данными, полученными в экспедициях. При этом ставятся две основных цели: сопоставить данные литературных языков с данными рассматриваемых в данном разделе диалектов и предложить объяснение наших данных с точки зрения современной типологической теории.

В п. 1 мы анализируем повышающие актантные деривации в рассматриваемых финно-угорских языках, их семантику, способы выражения и сочетаемость. В п. 2 описываются полифункциональные актантные деривации, т. е. случаи, когда один и тот же показатель кодирует как повышающую, так и понижающую актантную деривацию. Наконец, в п. 3 мы рассмотрим приведенные факты в свете теории транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, Thompson 1980].

2. ПОКАЗАТЕЛИ ПОВЫШАЮЩЕЙ АКТАНТНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Дж. Николз и ее соавторы [Nichols et al. 2004] делят все языки на «транзитивизирующие» (такие, в которых грамматикализованы повышающие актантные деривации, в частности, каузатив) и «детранзитивизирующие» (такие, в которых грамматикализованы понижающие актантные деривации, в частности, декаузатив). Многие языки явным образом принадлежат к одному или другому типу (так, большинство индоевропейских языков являются детранзитивизирующими, большинство кавказских — скорее транзитивизирующими). Однако существуют группы языков (семитские, тюркские), где грамматикализовано и продуктивно выражение обеих групп дериваций. К ним относятся и финно-угорские языки.

Каузация имеет большое количество семантических подтипов — в соответствии с тем, как именно каузатор влияет на участие каузируемого в некоторой ситуации Р (см. работы, включенные в сборники [Shibatani 1976; 2002]). Мы в дальнейшем будем использовать три понятия:

1. Фактивная каузация — каузатор вынуждает, заставляет каулируемого совершать Р или участвовать в Р: *Петя заставил младшего брата все равно сказать пале.*
2. Пермиссивная каузация — каузатор разрешает или не мешает каулируемому совершать Р или участвовать в Р: *Дай мне пройти; Учитель разрешит нам не делать последнюю задачу.*
3. Социативная каузация (данное понятие подробно рассмотрено в [Shibatani 2002]): каузатор вынуждает каулируемого совершать Р, совершая Р вместе с ним: *Я перевел старушку через дорогу* ('каузировал ее перейти, переходил вместе с ней').

Как в коми-зырянском, так и в удмуртском мы находим всего один суффикс повышающей актантной деривации, но этот показатель весьма продуктивен и во преобразование, удаляющее из модели управления и семантики глагола агенса, на первом в типологии декаузативом (ср. рус. *разбить* — *разбиться*), в грамматических описаниях их относят к залогам (данное употребление описывается как одна из функций пассивных показателей).

ми-зырянском языке это суффикс *-t/-əd/-ed/-d-* (суффикс *-əd-* по [Цыпанов 2005: 186], *-əd/-t/-d-* по [Лыткин 1955: 233], *-эд/-эдл/-t-* по [Сахарова, Сельков 1976: 92–93]) (1), в бесермянском — суффикс *-(ə)t(ə)/-et(ə)-* (суффикс *-t(bi)-* в литературном удмуртском, [ГСУЯ: 228–229; Алытырев 1983: 582]) (2).

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ)

- (1) Sya lyš't-ed-e mäs-se soš'ed-ys-ly.
он доить-TR-PRS.3 корова-ACC.3 сосед-3-DAT
Он велит соседу / просит соседа подоить корову / Он велит кому-то / просит кого-то подоить корову для соседа.

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

- (2) Mon bərd-ət-iš'ko so-je.
я плакать-TR-PRS тот-ACC
Я заставляю его плакать.

В печорском диалекте коми-зырянского языка иногда можно встретить конструкции с суффиксом повышающей актантной деривации, не выражающие собственно каузативного значения. В примере (3) от непереходного глагола *viš'ny* 'болеть' образован переходный глагол, который должен был бы означать 'заставлять кого-л. плохо себя чувствовать', но означает просто 'кому-л. нехорошо'.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ПЕЧОРСКИЙ)

- (3) Men-ə n'e-una viš'-əd-ə.
я.OBL-ACC NEG-много болеть-TR-PRS.3
Мне немного нехорошо.

Данное употребление сильно отличается от каузативного прототипа, однако важно, что, как и при собственно каузативном употреблении, исходное подлежащее — 'я' — смещается в позицию прямого дополнения (во всяком случае, маркируется аккузативом).

Несмотря на широкую сочетаемость каузативного показателя, в спонтанных текстах на удмуртском и коми-зырянском языках [КФУТ] примеры на каузатив крайне редки. При переводе с русского стимула опрошенные нами носители чаще всего используют конструкции с глаголами речевой каузации.

Часто встречаются примеры, где значение каузации передается и каузативным суффиксом, и глаголом речевой каузации (напр., удм. бесер. глагол *kosəñə* 'заставлять, велеть':

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

- (4) Gōr-ət-əñə kos-ono val so-je.
пахать-TR-INF заставлять-DEB быть.PRT тот-ACC
Надо было заставить его пахать.

Данная ситуация представляет собой весьма интересный пример некомпозициональности двух каузативных показателей. Действительно, если буквально интерпретировать пример (4) как содержащий каузативный глагол 'заставлять' и подчиненный ему синтаксически предикат с каузативным суффиксом, его перевод звучал бы как 'Надо было заставить его заставить пахать'. Однако носителями языка пример (4) интерпретируется как содержащий лишь один каузативный предикат.

Данный феномен не уникален с типологической точки зрения: сходные конструкции зафиксированы в языках варикио (юто-ацтекский, [Armendáriz 2007]) и адыгейском (абхазо-адыгский, [Летучий 2007]), где также в одном предложении могут наблюдаться и каузативный глагол, и подчиненный ему смысловой предикат с каузативным аффиксом. Ф. Армendarиз называет аналогичную конструкцию в варикио морфолого-аналитическим каузативом.

Существование данного типа конструкций может объясняться тем, что деривационный суффикс и каузативный глагол имеют различные функции: если суффикс просто повышает количество актантов глагола, добавляя каузатора, то каузативный глагол обозначает конкретный тип каузации — таким образом, с семантической точки зрения противоречия здесь нет, хотя синтаксическая структура конструкции типа (4) необычна.

Особая проблема встает при рассмотрении материала марийского и эрзянского языков. В этих языках [ГМЯ: 255; Alhoniemi 1993: 149; Bereczki 1990: 72] имеются и универсальные суффиксы, являющиеся показателями как понижающей / интерпретирующей, так и повышающей актантной деривации (подробнее см. п. 3). Глагол полисемия принято называть акцессивно-рецессивной, или акцессивно-депрессивной (см. [Nedjalkov 1991; Галямина 2001]). Типологически она весьма широко распространена. Отметим, что подобной полисемии нет в пермских языках.

При этом собственно каузативные суффиксы в этих языках также присутствуют. Естественно поставить вопрос о распределении двух типов суффиксов: полифункционального и собственно каузативного. По нашим данным, в эрзянском языке они конкурируют между собой: а именно чем универсальнее полифункциональный суффикс, тем реже употребляется собственно каузативный. Так в марийском языке полифункциональный суффикс *-alt-*, хотя и может образовывать переходные глаголы от непереходных, чаще все же служит показателем понижающей / интерпретирующей актантной деривации, и в этом языке каузативные показатели широко распространены. Наиболее продуктивен суффикс *-kt-* [Alhoniemi 1993: 152; Bereczki 1990: 73] (5), используемый для образования как двухвалентных, так и трехвалентных каузативных глаголов. Для образования переходных глаголов от непереходных употребляется также суффикс *-t-* (6). *-tar/-dar*² [Alhoniemi 1993: 153].

² Этот суффикс в данной работе специально не рассматривается; по нашим данным, его значение в целом аналогично значению суффикса *-t-*.

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЬЯЛ)

- (5) Məlam aka-m pareng-эм žarilt-əkt-a.
я.ДАГ старшая.сестра-1SG картофель-ACC жарить-TR-PRS.3SG
Сестра заставляет меня жарить картошку.
- (6) Məj pareng-эм šol-t-em.
я картофель-ACC кипеть-TR-PRS.1SG
Я варю картошку.

Напротив, в шокшинском диалекте эрзянского языка полифункциональный суффикс *-v-* [ГМЯ: 254] очень продуктивен в обоих значениях (возможно, это связано с наличием особого субъектно-объектного спряжения глагола), и специальный суффикс повышающей актантной деривации *-t/-d-* используется достаточно редко. Более того, когда каузативный суффикс все же используется, он обычно употребляется вместе с суффиксом *-v-* (*sokams* ‘пахать’ — *soka-v-t-ums* ‘заставить пахать’)³ (в [ГМЯ: 46] такое сочетание считается сложным суффиксом *-vm-*, состоящим из суффиксов *-v-* и *-m-*).

Самостоятельное употребление суффикса *-t/-d-* можно наблюдать в очень редких случаях⁴:

ЭРЗЯ-МОРДОВСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ)

- (7) Son aj-s'im-d'e živatna-t.
он IPF-пить-TR-PRS.3SG.S животное-DEF.GEN
Он поит скотину.

Интересно, что спряжение глагола в примерах, где выступает *-v-*, и в примерах, где выбирается *-t-*, разное. В первом случае спряжение будет объектным, а во втором — безобъектным.

Во всех рассматриваемых языках суффиксы преимущественно выражают фактивное значение (‘заставлять’), тогда как пермиссивное значение (‘позволять’) употребляется относительно редко, ср.:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЬЯЛ)

- (8) Uškal lüšt-əkt-a.
корова доить-TR-PRS.3SG
Корова дает себя доить.

Иногда в рассматриваемых языках встречаются и типологически менее распространенные каузативные значения, в частности, социативный каузатив. Этот тип

³ Фонетически *v* в таких случаях оглушается в *f*, отметим также изменение соединительной гласной: если у исходного глагола соединительная гласная *-a-* или *-ə-*, то после присоединения *-v-* она переходит в *-u-*

⁴ По-видимому, так же обстоит дело и в литературном эрзя-мордовском: если суффиксы *-v-* и *-vm-* в грамматике относят к словоизменительным показателям залога [ГМЯ: 254–255], то суффикс *-d-* (*-m-*) [ГМЯ: 47] считается словообразовательным.

каузации, как показано в [Shibatani 2002], характерен преимущественно для глаголов движения, и финно-угорские языки в данном случае не являются исключением. Так, при образовании каузативов от глаголов движения в печорском диалекте коми-зырянского языка встретилось образование значения ‘идти/бежать/лететь и взять X-а с собой’, что фактически подразумевает «заставить пойти», но добавив к этому значению комитативный компонент, напр.:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ПЕЧОРСКИЙ)

- (9) Vok-ys kotort-əd-i-s č'oj-sə.
брат-3 бежать-TR-PRТ-3 сестра-ACC.3
Брат бежал и тащил за собой сестру.

Суффиксы повышающей актантной деривации могут приносить и комитативные значения, сильнее отстоящие от собственно каузативной семантики. Как правило, это оттенок длительности (см. (10) в бесермянском, (11) в марийском) или однократности (12). Упомянутое в грамматике мордовских языков [ГМЯ: 47] значение однократности для суффикса *-m-* в наших примерах не засвидетельствовано.

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

- (10) So-je kul-e in'tema-t-əñā.
он-ACC быть.нужным-PRS.3SG обижать-TR-INF
Его надо (постоянно) обижать.

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЬЯЛ)

- (11) Məj vüid-эм šol-əkt-em.
я вода-ACC кипеть-TR-PRS.1SG
Я (долго) кипячу воду.
- (12) Meč'-эм šəl-t-aš kül-eš.
мяч-ACC прятаться-TR-INF надо-PRS.3SG
Надо спрятать мяч.

Возможны и менее стандартные варианты — напр., подчеркивание полноты задействованности прямого объекта и долгожданного завершения действия / длительности (13)–(14), или наложение дополнительных лексических ограничений на тип объекта (например, глагол *mišk-əd-ny* ‘мыть’ в печорском диалекте коми-зырянского языка не меняет состав актантов, но требует, чтобы референтом каузативного участника был только человеком). Следует, однако, уточнить, что примеры, иллюстрирующие эти нестандартные варианты, слишком малочисленны, чтобы на их основе делать какие-либо теоретические выводы.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ПЕЧОРСКИЙ)

- (13) Vas'a lept-əd-i-s kartapel'.
Вася поднимать-TR-PRТ-3 картофель
Вася поднял (весь) картофель.

(14)	Kol-a-m	pu-s'-əd-ny	šyd.
	быть.нужным-NPST-1PL	варить-DETR-TR-INF	суп
	<i>Нам нужно доварить суп.</i>		

В рассматриваемых языках практически не употребляется так называемый двойной каузатив (сочетание в одной словоформе двух каузативных показателей). Единственный язык, для которого в наших материалах засвидетельствованы такие примеры, — марийский (15); примеры на двойной каузатив имеются также для коми-зырянского литературного языка в работе [Цыпанов 2005: 194], но в изучаемых диалектах нам не встретились.

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЬЯЛ)

(15)	ʔPet'a	Vas'a-lan	məj-əm	peledəš-əm	üpšənc'-əkt-əkt-a.
	Петя	Вася-DAT	я-ACC	цветок-ACC	нюхать-TR-TR-PRS.3SG
	<i>Петя заставляет Васю заставить меня нюхать цветок.</i>				

Соответствующие примеры, однако, признавались не всеми носителями. При этом двойной каузатив засвидетельствован и в литературном языке, напр. л.-мар. лит. *ургыктыкташ* 'заставить шить третье лицо через второго' [Галкин 1958: 33].

Коснемся проблемы маркирования актантов каузативных глаголов. Канонический способ оформления участников однотипен во всех пяти рассматриваемых идиомах и соответствует обобщению Б. Комри [Comrie 1976], согласно которому каузатор должен занимать позицию подлежащего, а каузируемый — наивысшую из доступных позиций на шкале $S > DO > IO > Obl$. То есть в языках, подчиняющихся принципу, сформулированному Б. Комри, при каузативе от непереходного глагола каузируемый становится прямым дополнением, а при каузативе от переходного — непрямым (при этом исходный прямой объект не меняет своего маркирования).

В применении к финно-угорским языкам это значит, что каузатор стоит в форме номинатива, каузируемый — в форме аккузатива при каузативе от непереходных глаголов и датива при каузативе от переходных глаголов, а прямой объект (если он имеется) — в форме аккузатива (или генитива, как в эрзя-мордовском языке, где для обозначения прямого объекта используется генитив), см. (15).

Однако существует и другая стратегия маркирования актантов при каузативе. Каузируемый Агенс может оформляться аккузативом при всех глаголах: не только в случаях образования двухвалентных глаголов от одновалентных, где употребление аккузатива ожидаемо (6), но и в при образовании каузатива от переходных глаголов. Для избежания неоднозначности каузируемый Агенс в бесермянском часто оформляется аккузативом, а прямой объект остается неоформленным (16), но встречаются и случаи, когда оба актанта оформлены аккузативом (17). Кроме того, установить значение помогает порядок слов (каузируемый следует раньше исходного прямого объекта, ср. (17), где местоимение 'я' предшествует существительному 'корова').

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

(16)	Anaj-e	mon-e	leš't-št-e	urok.
	мать-1SG	я-ACC	делать-TR-PRS.3SG	урок
	<i>Мама заставляет меня делать уроки.</i>			
(17)	So	mon-e	vuza-t-e	skal-m-e.
	тот	я-ACC	продавать-TR-PRS.3SG	корова-1-ACC
	<i>Он заставляет меня продать корову.</i>			

Итак, во всех исследуемых языках имеются показатели повышающей актантной деривации — каузатива. Однако их свойства различны. Так, только в эрзянском и марийском языках имеются полифункциональные суффиксы актантной деривации, совмещающие в себе «повышающее» и «понижающее» значения.

Как и во многих языках, синтаксис каузативной конструкции демонстрирует высокую степень вариативности. Наряду со схемой маркирования актантов, отличающей правило Б. Комри, наблюдается другая стратегия, при которой каузируемый вне зависимости от модели управления исходного глагола становится прямым объектом.

В п. 3 мы рассмотрим полифункциональные суффиксы, способные выражать, как повышающие, так и понижающие актантные деривации.

3. ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ АКТАНТНЫХ ДЕРИВАЦИЙ

Повышающая и понижающая деривации — противоположные типы преобразования. Однако, как отмечалось в типологических работах (см. [Nedjalkov 1991, Галямина 2001]), существуют показатели, совмещающие в себе значения повышающих и понижающих актантных дериваций.

Так, в тюркских языках каузативные суффиксы могут выражать как каузативное значение (количество актантов повышается), так и квазипассивное (исходный агент не выражается, количество актантов понижается). См. пример из хакасского языка

ХАКАССКИЙ (САГАЙСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(18)	Ajdo	xaryndaz-y-na	Porčo-ny	sap-t(ə)r-š'a.
	Айдо	брат-3SG-DAT	Порчо-ACC	бить-CAUS-PRS
	<i>Айдо позволяет своему брату бить Порчо. (каузативное значение) [ПМА]</i>			
(19)	OI	sap-t(ə)r-š'a.		
	он	бить-CAUS-PRS		
	<i>Его бьют. (пассивное значение) [ПМА]</i>			

В работах [Nedjalkov 1991] и [Галямина 2001] прослеживаются возможные диахронические сценарии, связывающие одно из употреблений с другим.

Из рассматриваемых здесь языков полисемия данного типа наблюдается в марийском и эрзянском. В марийском языке суффикс *-alt-* является прежде всего показателем понижающей и интерпретирующей актантной деривации. Особенности

анного показателя в том, что он, в дополнение к наиболее употребительным «понижающим» значениям (рефлексив, реципрок, пассив, субъектный имперсонал), образует глаголы со значением действия, совершаемого невольно; при этом и в этих случаях рассматриваемый суффикс по-прежнему выполняет функцию показателя понижающей актантной деривации, т. е. из двухвалентного глагола образуется одновалентный (20), а из одновалентного — нульвалентный, т. е. безличный (21).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЪЯЛ)

- (20) Onč'əč' šud-əm / šudo koč'k-alt-ən.
 перед трава-ACC трава кушать-DETR-PRT
Раньше {и} траву приходилось есть.
- (21) Puŋgaj-alt-eš.
 падать-DETR-PRS.3SG
Приходится падать.

Во втором варианте примера (20) форма *šudo* 'трава', судя только по падежной форме, может представлять собой либо неоформленное прямое дополнение, либо подлежащее в форме номинатива. Однако в марийском языке неоформленное прямое дополнение встречается только в нефинитных клаузах [Толдова, Сердобольская 2002]. Тем самым в (20) мы имеем две разные конструкции: одну безличную, другую — с номинативным подлежащим. Существенно, что в обоих вариантах предложение содержит модальный компонент долженствования ('приходилось', 'было необходимо').

Однако самая интересная особенность суффикса *-alt-* заключается в том, что этот показатель имеет и каузативную, «повышающую» функцию. Присоединяясь к переходному глаголу, он может добавлять к его модели управления новый актант, т. е. делать из него переходный глагол (22). Результирующий глагол при этом будет спрягаться по второму спряжению, вне зависимости от того, к какому спряжению принадлежал исходный глагол.

- (22) Jü-šö jeŋ pört-š-əm jül-alt-əš.
 пить-PTCP.ACT человек дом-3SG-ACC гореть-DETR-NARR
Пьяный мужчина поджег дом.

Если же суффикс *-alt-* употребляется в качестве показателя понижающей или интерпретирующей актантной деривации, производный глагол будет спрягаться по первому спряжению (см. примеры выше).

Такое различие спряжений важно потому, что позволяет выделить среди производных (не являющихся канонически «повышающими» или «понижающими») значений суффикса такие, которые связаны скорее с каузативным значением и такими, которые обозначают понижение переходности и количество актантов.

Аналогичное явление мы наблюдаем в парах марийских лабильных глаголов. В таких парах переходный глагол спрягается по первому спряжению, а переходный — по второму (*temaš I* 'наполняться' — *temaš II* 'наполнять'). В то же время

лабильных глаголов в марийском языке не так много, и мены спряжения как продуктивного средства актантной деривации в марийском языке нет.

Заметим в скобках, что для образования каузативных трехвалентных глаголов от двухвалентных в марийском языке используется только суффикс *-akt-*; другие показатели в этой функции не употребляются. Однако в [Kalina et al. 2006] описывается особое значение аффикса *-alt-*, совместимое и с непереходными, и с переходными глаголами — «декларативный каузатив» (23), означающий 'говорящий утверждает о ком-либо, что он(а) выполнял(а) Р' (вместо 'заставить кого-либо выполнить Р'). Тем не менее результирующий глагол спрягается по второму спряжению, а усилительное наречие, возможно, указывает на соответствующий семантический оттенок суффикса *-alt-*. Тем самым декларативный каузатив на формальных основаниях оказывается наиболее близко связан с собственно каузативным значением (вопрос об их семантическом соотношении мы здесь не обсуждаем):

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЪЯЛ)

- (23) Tudo šuko magər-alt-en!
 он много реветь-DETR-PRT
Только послушай, как много он кричал!

У суффикса *-alt-* существует и более явный семантический оттенок — однократности действия. Отметим, что, когда этот суффикс используется в функции показателя однократности, глагол также будет спрягаться по второму спряжению (связанному с переходностью), что опять же показывает тесную связь данного значения с собственно каузативным:

- (24) Meč'e kükšö töršt-alt-en.
 мяч высоко прыгать-DETR-PRT
Мяч высоко подпрыгнул.

В шокшинском диалекте эрзянского языка употребление детранзитивно каузативного суффикса более последовательно: сам суффикс гораздо регулярнее выступает в роли показателя повышающей актантной деривации, а для различных значений используется безобъектное и объектное спряжение: суффикс *-v-* при безобъектном спряжении играет роль показателя понижающей / интерпретирующей актантной деривации (25), а при субъектно-объектном — повышающей (26).

ЭРЗЯ-МОРДОВСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ)

25. Paks'a aj-soka-v-e.
 поле IPF-пахать-VAL-PRS.3SG
Поле пашется.
26. Son aj-soka-v-sa-za paks'e-t'.
 он IPF-пахать-VAL-PRS-3SG.O.3SG.S поле-DEF.GEN
Он велит пахать поле.

Отмечено, что суффикс *-v-* в своей роли показателя повышающей актантной деривации чаще присоединяется к переходным глаголам (образуя каузатив), чем к непереходным.

В случае, если исходное прямое дополнение стоит не в генитиве, а в номинативе или в партитиве (т. е. не вызывает объектного согласования на глаголе, см. I.2 «Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках»), каузируемый участник ставится в генитиве, а глагол согласуется с ним с помощью показателей субъектно-объектного спряжения:

27. *Sop mon' aj-wadn'i-v-sa-mam kudu-t'e-nde.*
 он я.GEN IPF-красить-VAL-PRS-1SG.O.3SG.S ДОМ-DEF-ABL
Он заставляет меня красить дом.

Наконец, у суффикса *-v-* имеется модальное значение желания что-либо сделать (28). Спряжение при этом используется безобъектное. Модальное значение возможно как при переходных, так и при непереходных глаголах.

28. *Mop aj-soka-v-an.*
 я IPF-пахать-VAL-PRS.1SG
Я хочу пахать.

4. ТЕОРИЯ ТРАНЗИТИВНОСТИ И ЕЕ ПРИМЕНИМОСТЬ К НАБЛЮДАЕМЫМ ДАННЫМ

Попытаемся предложить объяснение описанным выше фактам с типологической точки зрения. Главным образом речь идет о том, чтобы объяснить сочетание «залоговых» и «аспектуальных» значений у показателей актантной деривации. Кроме того, мы попробуем яснее понять причину возникновения и устройство полисемии суффиксов актантной деривации в двух финно-волжских языках — марийском и эрзянском.

Согласно сформулированной в работе [Hopper, Thompson 1980] теории семантической переходности, каждая клауза (а не отдельный глагол) имеет определенный ранг переходности. «Переходность» в работе определяется как «мера интенсивности воздействия субъекта на объект», соответственно, объект может быть в разной степени вовлечен в ситуацию. Семантическая переходность определяется по значениям, которые для данной конструкции принимают следующие семантические параметры:

Таблица 1. Параметры, понижающие и повышающие семантическую переходность клаузы [Hopper, Thompson 1980: 350]

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
1. Число участников	2 или более, Агенса и Объекта	1 участник
2. Кинезис	физическое действие	не физическое действие
3. Вид (Aspect)	предельный (telic)	непредельный (atelic)

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
4. Пунктивность	пунктивный глагол	непунктивный глагол
5. Контролируемость	контролируемое (volitional)	неконтролируемое
6. Полярность	утвердительная	отрицательная
7. Наклонение	реалис	ирреалис
8. Агентивность	высокая	низкая
9. Затронутость объекта	Объект полностью охвачен действием	Объект не затронут действием
10. Индивидуализация объекта	Объект индивидуализирован	Объект не индивидуализирован

Приведем пример из русского языка. Как известно, глаголы *идти* и *бежать* — переходные, а глагол *сидеть* — непереходный. На шкале переходности предложение с глаголом *сидеть* обладает более низкой переходностью по сравнению с предложениями с глаголами *видеть* и *бить*, поскольку первые содержат только один партиципанта, а последние — двух. Это соответствует нашим представлениям о противопоставлении переходных и непереходных глаголов. Однако предложения с глаголом *видеть* будут менее переходными, чем предложения с глаголом *идти*, потому что субъект глагола *бить* обладает большей агентивностью, чем субъект глагола *видеть*; кроме того, ситуация, обозначаемая глаголом *бить*, является фактивной (с участием действия), в отличие от ситуации, обозначаемой глаголом *видеть* (с участием не действия). Следовательно, семантическая переходность предложения с глаголом *идти* при прочих равных условиях выше семантической переходности предложения с глаголом *видеть*. Далее, предложение *Петя каждый день бьет Васю* будет более переходным, чем предложение *Сегодня Петя побил Васю*, поскольку второе предложение в силу перфективности глагола концентрирует действие на момент промежутке времени, что также является фактором, повышающим переходность.

Ценность теории Хоппера и Томпсона заключается, прежде всего, в том, что она позволяет связать между собой различные семантические параметры и установить, как они соотносятся с чисто синтаксическим параметром переходности. Данная теория дает возможность объяснить различия между разными глаголами в одном и том же языке. Впрочем, нужно сказать, что пока для большинства индивидуальных языков она делает правильные предсказания: ср. русские глаголы *идти* (переходный, за исключением случаев опущения прямого дополнения) и *смотреть (на)* (А-лабильный, [Летучий 2009]). Теория Хоппера и Томпсона ранее предсказывала бы, что *смотреть* должен обладать большей синтаксической переходностью, так как первый актанта данного глагола агентивен и контролирует ситуацию.

Существенно, что хотя набор факторов, определяющих синтаксическую переходность, очень широк, для разных языков первостепенно важны разные факторы. Так, согласно [Testelefs 1998], для кавказских языков крайне важен широта затронутости vs. полной затронутости пациента ситуацией, не столь релевантны для европейских языков «европейского стандарта».

Из перечисленных параметров в финно-угорских языках для синтаксической переходности релевантны количество участников, пунктивность, агентивность, контролируемость, наклонение и задействованность Объекта. Из представленных выше данных видно, что суффиксы понижающей и интерпретирующей актантной деривации, основной функцией которых является понижение статуса одного из участников или его удаление (таким образом, понижающие семантическую переходность по параметру 1), сочетаются со значениями, также понижающими семантическую переходность клаузы, и наоборот. Так, в марийском языке суффикс *-alt*, специализированный показатель понижающей деривации и пассивного залога, имеет значение многократности, которое Хоппер и Томпсон считают связанным с низкой транзитивностью (поскольку при многократном возникновении ситуации ее пациенс зачастую не определен). Напротив, полифункциональный суффикс *-alt* связан со значением однократности, тяготеющим к полюсу высокой переходности (при этом глагол изменяется по второму спряжению, так же как и в случаях, когда этот суффикс выполняет функцию показателя повышающей актантной деривации). Марийский суффикс *-t-*, служащий для образования переходных глаголов, также имеет значение однократности. Эрзянский суффикс *-v-* может добавлять к значению глагола модальный компонент, превращая действие в его возможность, что тоже понижает семантическую переходность клаузы. Глагол при этом спрягается по безобъектному спряжению, что отражает меньшую синтаксическую переходность клаузы. Сочетается с теорией семантической переходности и отмеченный в печорском диалекте коми-зырянского языка оттенок полной задействованности Объекта и долгожданного завершения действия при присоединении суффикса *-ad* (13)–(14), основное значение которого связано с повышающей актантной деривацией (действие является завершенным, ситуация становится предельной, а значит, обладает высокой семантической переходностью).

В то же время другие данные нарушают эту стройную картину. Прежде всего, в изучаемых языках смешиваются понятия длительности и многократности, которые в таблице семантической переходности Хоппера и Томпсон находятся в разных столбцах. По нашим данным, в бесермянском суффикс понижающей актантной деривации *-is'k-* обладает значением и интенсивности, и многократности действия [Прозорова, Коломацкий 2003], а суффиксы повышающей актантной деривации в марийском и бесермянском языках — значением длительности (10)–(11). Вероятно, такой парадокс возникает из-за того, что теория Хоппера и Томпсон в большей степени приспособлена для объяснения падежного маркирования актантов, чем деривационных процессов.

Таким образом, теория семантической переходности не дает однозначного объяснения семантических оттенков показателей актантной деривации в пермских языках, хотя для полифункциональных суффиксов двух изучавшихся финно-волжских языков эта теория подходит идеально. Она объясняет, каким образом суффикс, формально не имеющий «вектора» актантной деривации, может употребляться в обеих функциях, и при этом не вызывать неоднозначности. Можно

предположить, что суффикс *-alt-* в марийском языке и суффикс *-v-* в шокшинском диалекте эрзя-мордовского языка не являются самостоятельными показателями актантной деривации; они маркируют лишь факт смены диатезы, а конкретный тип деривации задается типом спряжения. При этом следует оговориться, что мы не утверждаем, что I и II спряжение для всех глаголов марийского языка связано с более высокой или более низкой семантической переходностью — о такой связи можно говорить только в случаях, когда смена типа спряжения происходит при присоединении суффикса актантной деривации.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном обзоре мы рассмотрели данные пяти идиомов: старомарийского говора лугового марийского, шокшинского диалекта эрзя-мордовского языка, печорского и ижемского диалектов коми-зырянского языка и бесермянского диалекта удмуртского языка. Во всех рассмотренных идиомах грамматически маркируется каузативная деривация. Маркирование актантов каузативного глагола всегда подчиняется правилу, сформулированному Б. Комри [1976]: каузативный глагол (в частности, в марийском языке и бесермянском) может иметь два прямых объекта. А именно, исходный прямой объект некаузативного переходного глагола сохраняет свой статус, а вторым прямым объектом может становиться субъект каузативной ситуации (в другом варианте, отвечающем правилу Комри, он перемещается в позицию непрямого дополнения). В двух волжских языках, марийском и эрзянском (шокшинский диалект), присутствуют полифункциональные суффиксы актантной деривации, кодирующие как понижение, так и повышение транзитивности. Это явление представляет интерес с типологической точки зрения. Заметим, что аналогичное явление распространено в тюркских языках и, возможно, может быть проинтерпретировано как ареально обусловленное.

В данной работе была предпринята попытка применить теорию переходности II Хоппера и С. Томпсон для объяснения полисемии показателей актантной деривации в марийском и эрзянском языках. Оказалось, что Шкала переходности Хоппера и Томпсон идеально подходит для объяснения того, почему показатель *alt* в марийском языке и показатель *-v-* в эрзянском одновременно могут обозначать как понижающую, так и повышающую актантную деривацию. В то же время теория семантической переходности не позволяет объяснить все наблюдаемые случаи полисемии показателей актантной деривации в пермских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алатырев 1983 — *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Ижевск, 1983.
- Галкин 1958 — *Галкин И. С.* Залог в марийском языке. Йошкар-Ола, 1958.
- Галымина 2001 — *Галымина Ю. Е.* Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // *Плунгян В. А.* (ред.). Исследования по теории грамматики. Т. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 178–197.
- ГМЯ — *Коляденков М. Н., Заводова Р. А.* (ред.). Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1962.
- ГСУЯ — *Перевощиков П. Н.* (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962.
- Летучий 2007 — *Летучий А. Б.* 2007. Каузатив в адыгейском языке: синтаксис и структура ситуации // *Фильченко А. Ю.* (ред.). Материалы конф. LENCA-3. Томск, 2007.
- Летучий 2009 — *Летучий А. Б.* Типология лабильных глаголов // *Вопросы языкознания.* 2009. № 4.
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* (ред.). Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1955.
- Падучева 1998 — *Падучева Е. В.* Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // *Семиотика и информатика*, вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 82–108.
- Прозорова, Коломацкий 2003 — *Прозорова Е. В., Коломацкий Д. И.* Актантные деривации в удмуртском бесермянском. Отчет по результатам экспедиции 2003 г. в д. Шамардан Юкаменского района Республики Удмуртия. М., 2003. (Рукопись)
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая Морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Сахарова, Сельков 1976 — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1976.
- Толдова, Сердобольская 2002 — *Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // *Лингвистический беспредел.* М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 106–125.
- Цыпанов 2005 — *Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
- Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Helmut Buske, 1993.
- Armendariz 2005 — *Armendariz F. R.* *A Grammar of River Warikio.* Ph.D. Dissertation. Houston: Rice University, 2005.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences // *Shibatani M.* (ed.). *The Grammar of Causative Constructions / Syntax and Semantics.* Vol. 6. New York: Academic Press, 1976. P. 261–312.
- Bereczki 1990 — *Bereczki G.* *Chrestomathia ceremissica.* Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // *Language.* Vol. 56. № 2. 1980. P. 251–299. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Kalinina et al. 2006 — *Kalinina E., Kolomatsky D., Sudobina A.* Transitivity increase markers interacting with verb semantics: Evidence from Finno-Ugric languages // *Kulikov L.,*

- A. Malchukov A., de Swart P.* (eds.). *Case, Valency and Transitivity (CLA 31, and ...)* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. B. V. P. 441–463.
- Nedjalkov 1991 — *Nedjalkov I. V.* Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes // *Language of the world.* 1. 1991. P. 4–31.
- Nichols et al. 2004 — *Nichols J., Peterson D. A., Barnes J.* Transitivity and detachment in languages // *Linguistic Typology.* 8. 2004. P. 149–211.
- Shibatani (ed.) 1976 — *Shibatani M.* (ed.). *Syntax and Semantics 6. The grammar of causative constructions.* New York: Academic Press, 1976.
- Shibatani (ed.) 2002 — *Shibatani M.* (ed.). *The Grammar of Causation and Intentional Manipulation.* Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Testelefs 1998 — *Testelefs Y. G.* 1998. On two parameters of transitivity. In *Typology of verb categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday.* *Kulikov L., Vater H.* (eds.). *Linguistische Arbeiten.* Vol. 382. Tübingen: Max Niemeyer, 1998. P. 29–45.